

Наша жизнь не прошла даром

Неужели уже прошло 70 лет?! Разве это было не вчера?.. А ведь мы, воспитанники 8-й Ленинградской специальной артиллерийской школы, были тогда так похожи на этих ребят, студентов ТУСУРа, которые во главе с депутатом городской Думы Дмитрием Буинцевым пришли меня поздравить с великим праздником Победы и вручить медаль «70 лет Победы в Великой отечественной войне 1941-45 гг». Правда, они все-таки чуть постарше, держатся свободнее и увереннее, они образованнее, да и, простите, упитаннее и красивее нас, тогдашних их ровесников, переживших четыре военные зимы, весной сорок пятого собиравшихся, но не успевших попасть на фронт: те, кто в мае сложил свои головы, торопясь сломать хребет фашизму, сохранили наши жизни...

Какой же это был сказочно красивый день, 9 мая 1945 года! Позднее я спрашивал многих людей, знаю сам и слышал от них, что везде, от Берлина до Владивостока, в тот день стояла чудесная погода, солнце сияло на чистейшем небе, а если где-то на несколько минут появлялось облачко и шел дождичек, то и он был каким-то ласковым и добрым. Я был в то время, да и сейчас остаюсь, атеистом, но для этого дня не могу не сделать исключения – верю, что Высшие силы были на стороне советского народа-победителя, они вместе с простыми людьми всего мира радовались торжеству добра и уничтожению зла!

Звонко пропела сигнальная труба... Дневальный командует: «Подъем, боевая тревога! Выходи строиться!» Что случилось? Еще темно, часы на весь взвод были у меня одного, смотрю, еще нет и четырех. Похватав карабины и противогазы, мы выбежали из казармы на плац. Наши педагоги, многие из которых всегда ходили в штатском, сегодня надели свою военную форму с нашивками золотого или красного цвета за ранения и немногочисленными тогда орденами и медалями. Строимся. На правом фланге, рядом со знаменем, оркестром, преподавателями – мы, выпускная батарея, попросту – десятиклассники. «Школа, смирно! Для встречи слева, слушай, на кра-ул!» Еще не совсем проснувшиеся музыканты грянули встречный марш. Чуть прихрамывая – память о Сталинграде, – к нам идет начальник школы. «Товарищи офицеры! Товарищи преподаватели! Товарищи спецшкольники! Дорогие мои! Победа!» Не помню уж, что именно он зачитал нам – обращение Верховного или что-то другое, не смогу и описать, что происходило с нами в тот момент.

Строй распустили, нам приказали привести себя в порядок, карабины и противогазы оставить в казарме, а самим подготовиться к торжественному маршу.

Наше командование решило украсить праздник подарками. С грустной улыбкой вспоминаю. Каждому из нас, во-первых, дали носки, мы носили брюки навыпуск, естественно, не сапоги, а ботинки и, соответственно, не портянки, а штопаные-перештопанные носки. А тут дали новые, целые, это был действительно ценный подарок. Ценность второго мы не очень восприняли – кусок хозяйственного мыла на взвод. Во взводе нас было 24 человека, легко было разделить этот не очень хорошо пахнувший параллелепипед на равные части. Но старшина Сахаров ловко выхватил ножик из рук Коли Чернова, взявшегося было за операцию деления... Короче говоря, через час тот же Коля делил на 24 части буханку ржаного хлеба – Сахаров сумел совершить на базаре операцию «товар-товар» без участия денег. Мы в течение всех этих лет постоянно голодные вдруг получили лишний кусочек хлеба... Интересно, что бы подумали мои сегодняшние гости, если бы я предложил им вместо конфет и бокала шампанского такой же подарок? Да и вообще, знают ли они что-нибудь о цене хлеба в тыловом городе во время войны!..

Отутюжили брюки, подшили подворотнички, зубным порошком надраили до ослепительного блеска пуговицы на кителях и стройной колонной двинулись к центру города.

О том, что происходило дальше, всегда вспоминаю со своеобразными чувствами, чем-то похожими на испытываемые сегодня... Это были не только радость и гордость за нашу армию, за нашу страну, за нашу Победу, но еще и какая-то неловкость, до сих пор у меня сохранившаяся. В Ижевске, куда перевели нашу эвакуированную из Ленинграда школу, работали мощные военные заводы, было много военных госпиталей, но практически не было воинских частей, почти не видно были людей в

погонах. И вот по главной улице города (кажется, она носила тогда имя Пушкина) под звуки духового оркестра торжественным маршем нарядные, радостные идут несколько сотен мальчишек в форме. Черные погоны с золотыми галунами, артиллерийскими эмблемами и цифрой «8» (я долго хранил один такой погон). А на тротуарах – женщины, девчонки, дети, мужчины на костылях, некоторые без одной, а то и обеих рук, у многих перевязаны головы (самый большой госпиталь в городе был специализированным, не знаю точного названия, но его называли у нас «челюстным» - там пытались залатать страшные раны, навсегда изуродовавшие молодых парней). ...Многие плачут, нам – нам-то за что? - бросают букетики полевых цветов. Старушки машут платочками... Да никакие это были не старушки, а молодые женщины, для которых жизнь разделилась на две половины - обычную, нормальную, счастливую до 22 июня 1941 года, и невероятно тяжелую, горькую, голодную – после. Они смотрят на нас, выбегают на проезжую часть, обнимают и целуют, что-то говорят, плачут и смеются. Я и тогда, и сейчас понимал и чувствовал, что не мы это заслужили, просто они видели в нас тех, кого, может быть, потеряли навсегда, или тех, кто еще не вернулся из поверженных Берлина и Вены, из освобожденных Белграда и Праги... Но какая-то тень славы падала и на нас, тем более что все эти четыре года мы вовсе не были в стороне от общей беды.

Вспоминаю, как мой одноклассник, доцент одного из уральских вузов Миша Кибардин, узнав, что я не имею медали за доблестный труд в годы войны, нашел-таки в каком-то архиве приказ по Каракулинской МТС о том, что в 1943 году меня приняли на должность учетчика тракторного отряда. Нынче нет ни самой МТС, ни колхозов, которые она обслуживала, но документ, давший мне право именоваться ветераном, тружеником тыла, сохранился. Нет, это не «дни и ночи у мартеновских печей», но мы, деревенские мальчишки и девчонки, заменившие взрослых, тоже работали на Победу, вовсе не думая ни о каких справках, ни о наградах, ни «о доблести, о подвигах, о славе». «Все для фронта, все для Победы!» - это было понятно, об этом мы думали. Существовало еще короткое слово «надо», вот и все.

И сегодня, когда Дима (ну никакой он мне не Дмитрий Николаевич!) говорил добрые слова о заслугах участников войны, фронтовиков и тружеников тыла, говорил обо мне, я чувствовал себя неловко. Ну что такое мой труд по сравнению с великим подвигом народа! И в то же время... И в их визите, и в нашем разговоре о «делах давно минувших дней», в самой этой скромной нарядной медали есть глубочайший смысл. Он вовсе не во мне и даже не в моих сверстниках, имеющих куда большие заслуги, а в том, что эти молодые люди знают о войне, дорожат заслугами поколения победителей, гордятся Великой Победой советского народа над гитлеровскими захватчиками. У них жива святая память о прошлом. Нет, неплохая у нас молодежь, значит, жизнь наша не прошла даром!

Лев ПИЧУРИН.